

УДК 94 (470)

ТОПЛИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПОВОЛЖСКОГО РЕГИОНА В ПЛАНЕ ГОЭЛРО

© 2018 Е.В. Воейков

Финансовый университет при Правительстве РФ, г.Москва, Пензенский филиал

Статья поступила в редакцию 15.01.2018

В статье рассмотрена реализация топливной части плана ГОЭЛРО в Поволжье. На основе анализа топливного баланса в 1920-е – 1930-е гг. сделаны выводы о степени совпадения планового прогноза с реальным развитием региона.

Ключевые слова: топливный баланс, уголь, нефть, дрова, торф, горючие сланцы.

В условиях обострения международной обстановки, разрастания вооруженных конфликтов в Сирии, Украине, Афганистане и введения странами Европы антироссийских санкций нарастает угроза крупномасштабного военного столкновения стран в Европе и Азии. В сложившейся ситуации, как и в 1930-е гг., задача ускоренного развития российской индустрии становится важнейшей национальной задачей. Осознание данной реальности все чаще заставляет обращаться к опыту довоенной индустриализации СССР.

Создание целостной картины промышленного развития СССР в 1920-е – 1930-е гг. невозможно без четкого выделения региональной специфики. В данной статье рассмотрена реализация основных аспектов топливной части плана ГОЭЛРО, что обычно оставалось за рамками работ исследователей данной темы. Индустриальной историей Поволжья 1920-х - 1930-х гг. в последние годы занимаются только отдельные региональные историки¹.

Реализация в рассматриваемом в статье регионе плана электрификации России, названной В. И. Лениным «второй программой партии», привлекала внимание историков преимущественно в аспектах реконструкции и строительства электростанций и гидросооружений, источниковедения². Топливное обеспечение плана ГОЭЛРО в поволжских губерниях анализу не подвергалось.

Поволжье в данной статье рассматривается с севера на юг в территориальных рамках современных Республики Татарстан и Ульяновской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Волгоградской, Астраханской областей. В состав Поволжского региона по плану ГОЭЛРО включались Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Астраханская губернии. Частичное несовпадение границ представляется в данном

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, доцент кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки».
E-mail: evgenijvoejkov@yandex.ru

случае несущественным, так как выделение части территории Казанской губернии в состав Марийской и Чувашской автономных областей в начале 1920-х гг. может быть условно компенсировано включением в рамки рассматриваемого региона Пензенской губернии (области), относимой с 1928 г. к Среднему Поволжью. Кроме того, количественные показатели топливного баланса в конце 1920-х гг. приводились в целом по Средне-Волжскому краю, объединившему территории Пензенской, Самарской, Ульяновской губерний.

Строительство электростанций и индустриальная модернизация всей страны и отдельных регионов в плане ГОЭЛРО были тесно увязаны с вопросами развития топливного комплекса: «Электрическая энергия в широком масштабе может быть получена либо использованием природных запасов тепловой энергии, то есть разнообразных видов топлива, либо утилизацией водной энергии»³. Составители плана рассматривали ситуацию с обеспечением топливными ресурсами в рамках восьми экономических районов России: Северного, Центрально-промышленного, Южного, Приволжского, Уральского, Кавказского, Западно-сибирского и Туркестанского.

Необходимо отметить, что в годы нэпа реализация принятого в 1920 г. плана ГОЭЛРО проходила медленными темпами и не в тех масштабах, как рассчитывали составители плана. По данному вопросу, в частности, специалистом по истории угольной промышленности С.А. Бакановым приводятся данные по индустриально развитому Уралу, где, несмотря на определенные успехи, часть Б плана (новое строительство) «даже в 1930-е гг. в полном объеме так и не была реализована»⁴. В Поволжье, которое в 1920-е гг. оставалось аграрным регионом, в ограниченных масштабах работы велись по восстановлению и расширению существующих электроцентралей. Так, в плане ГОЭЛРО предусматривалось, что общая мощность районных электростанций Поволжья всех очередей составит 360 тысяч кВт.

Между тем в 1927/28 г.⁵ мощность электростанций всех категорий достигала в Нижне-Волжском крае, объединившем территории Саратовской, Сталинградской, Астраханской губерний, 21,8 тысячи кВт, в Средне-Волжском крае, включившем в свой состав бывшие Пензенскую, Самарскую, Ульяновскую, Оренбургскую губернии, – 19,3 тысячи⁶.

В рекомендациях плана ГОЭЛРО по топливному вопросу применительно к Поволжью значительное место отводилось местным видам топлива. Общий топливный баланс Поволжья от Казани до Астрахани представлялся составителям плана в следующем виде: дрова – 48%, сланцы – 8%, торф – 3%, нефть – 19%, донецкий антрацит – 22%⁷. Как видно из приведенных данных, на местные виды топлива приходилось 59%, основным видом топлива прогнозировались дрова.

Реальный топливный баланс Поволжья в 1920-е гг. в отношении древесного топлива оказался очень близок к прогнозу плана ГОЭЛРО. Необходимо отметить, что опубликованные и сохранившиеся в архивных материалах статистические материалы по топливному балансу рассматриваемого в статье региона и его отдельных административно-территориальных образований страдают многочисленными погрешностями, противоречивы и за отдельные годы просто отсутствуют. Поэтому были проанализированы преимущественно показатели второй половины 1920-х гг., 1932 г. и 1937 г., отражающие ситуацию с потреблением топлива в Среднем и Нижнем Поволжье в последние годы нэпа и к окончанию первой и второй пятилеток.

Следует подчеркнуть, что сложившийся в исторической науке и массовом сознании стереотип о значительной роли древесного топлива в экономике страны только в годы острого топливного кризиса Гражданской войны и последующем повсеместном переходе потребителей на уголь и нефть не соответствует реалиям 1920-х гг. Древесное топливо в годы нэпа продолжало играть важную роль, представляя существенную альтернативу углю и нефти. Доля дров в топливном балансе СССР без учета сельского населения в 1920-е гг. составляла: 58% в 1922/23 г., 54% в 1923/24 г., 43,5% в 1924/25 г.⁸

В Поволжье роль древесного топлива была еще более значительной, чем в целом по стране. В Среднем Поволжье наиболее масштабный вариант использования древесного топлива при минимальном потреблении минеральных энергоресурсов на протяжении всех 1920-х гг. демонстрировала Татарская АССР. Например, в 1924/25 г., в топливном балансе Татарии древесное топливо занимало 77,2%, нефть – 5,8%, уголь – 1,8%⁹. Значительную долю дров в Татарской АССР можно объяснить более высоким процентом лесистости данной территории по срав-

нению, например, с Самарской и Саратовской губерниями. Кроме того, потребители Татарии в заметных масштабах использовали дрова, сплавленные по Волге из Марийской автономной области и других расположенных выше по течению Волги и Камы территорий.

В топливном балансе промышленности Средне-Волжской области (с 1929 г. – края) в 1927/28 г. также лидировали дрова, соответствовавшие 59,3%; на нефтетопливо приходилось 30,6%, на уголь – 10,1%¹⁰. Принимая во внимание ориентацию на древесное топливо сельского населения, можно утверждать, что доля дров в среднем по объединенным Пензенской, Самарской и Ульяновской губерниям приближалась к варианту Татарской АССР и достигала величины порядка 60% общего потребления топлива.

Топливный баланс Нижне-Волжского края в 1927/28 г. существовал в следующем виде: нефтетопливо – 67,5%, дрова и торф – 25%, уголь – 7,5%¹¹. Торф в 1920-е гг. добывался в ограниченных количествах только в Саратовской губернии. Поэтому для малолесной Саратовской губернии и практически безлесной Астраханской потребление дров, достигающее четверти топливного баланса, представляло значительную величину. Подобный результат в определенной степени достигался за счет сплава древесины по Волге из Вятской, Нижегородской, Симбирской губерний и Татарской АССР в Нижнее Поволжье.

Таким образом, предусмотренные в плане ГОЭЛРО показатели использования дров в Поволжье в размере 48% топливного баланса в реальном виде к концу 1920-х гг. достигли уровня порядка 60% в Среднем Поволжье и 20% в Нижнем Поволжье. Второе место в 1920-е гг. в топливном потреблении Поволжья, как видно из приведенных выше данных, занимала нефть, что свидетельствовало о ярко выраженной специфике региона. Следовательно, в 1920-е гг. план ГОЭЛРО по использованию минерального топлива в Поволжье, спрогнозированный в размере 19% нефти и 22% угля, реализован не был как в отношении преобладания донецкого антрацита, так и для Нижнего Поволжья в порядке общей величины потребления: 67,5% нефти и 7,5% угля в совокупности намного превышали плановые 41%.

Доминирование нефтетоплива в нижеволжских губерниях и низкая по сравнению с показателями СССР роль каменного угля в Поволжье объяснялись удаленностью от региона основных угольных баз страны и относительной близостью Кавказского (Бакинского) нефтяного района.

Высокий уровень потребления древесного топлива в Поволжье на протяжении 1920-х гг. был обусловлен группой факторов. Во-первых, на протяжении всего периода нэпа было характерно недостаточное развитие тяжелой и осо-

бенно оборонной промышленности, которая только в 1930-е гг. стала основным потребителем донецкого угля в регионе. Во-вторых, в Поволжье близостью к Кавказскому нефтяному району обладали Саратовская и Астраханская губернии, которые еще до революции в значительных объемах завозили нефтетопливо по Волге. Для остальных губерний и автономных республик региона получение минерального топлива было связано с его перевозками на тысячекилометровые расстояния. Кроме того, необходимо отметить, что далеко не все предприятия находились в доступной близости от железнодорожной станции или речной пристани.

В-третьих, высококалорийное и дальнепривозное угольное и нефтяное топливо в условиях хозрасчета 1920-х гг. часто оказывалось слишком дорогим. Для небольших по размеру бумажных, суконных фабрик или винокуренных заводов Поволжья, где работало от нескольких десятков до нескольких сотен человек, зачастую проще было закупить относительно дешевые дрова или организовать самостоятельные заготовки в ближайшем лесном массиве, чем приобретать дорогие уголь или мазут и зависеть от их перевозок по железной дороге. Например, в Татарской АССР в 1922/23 и 1923/24 гг. дрова на рынке стоили в два раза дешевле угольного и нефтяного топлива¹².

В годы индустриализации в топливном балансе Поволжья произошли изменения. Одновременно с общим значительным увеличением потребления топлива снизилась доля дров и нефти, увеличилось использование угля. К концу второй пятилетки в Татарской АССР доля дров в топливном балансе промышленности и учреждений составляла 37,4%, торфа – 1,1%, угля – 37,8%, нефти – 23,7%¹³. С учетом населения, использовавшего для нужд отопления преимущественно дрова, доля местных видов топлива в Татарии в 1936 г. достигла 75,6%¹⁴. Для Куйбышевской области в 1937 г. доля дальнепривозного топлива составила 60,2%; на дрова пришлось 31,3%¹⁵.

В Нижне-Волжском крае в 1932 г. нефть занимала 58,7%, уголь – 25,3%, дрова – 2,4% топливного баланса¹⁶. Рост промышленности в Нижнем Поволжье обусловил преобладание угольного топлива над нефтяным в годы второй пятилетки. В Саратовской области в 1937 г. древесное топливо составило 13,7%, донецкий уголь – 37,4%, нефтетопливо – 35% топливного баланса¹⁷. По Сталинградской и Астраханской областям показатели были сопоставимы с саратовскими с уменьшением до нескольких процентов доли древесного топлива.

Таким образом, предусмотренные планом ГОЭЛРО 22% угля и 19% нефти в топливном балансе рассматриваемого региона были превышены уже в годы второй пятилетки. При этом впервые в регионе было достигнуто прогно-

зированное авторами плана электрификации соотношение с незначительным превышением угля над нефтью. Одновременно доля дров, за исключением Татарской АССР, в областях Поволжья стала ниже спрогнозированных авторами плана электрификации 48%.

Торф как энергетический ресурс в начале XXI века в России успел превратиться в некое экзотическое топливо, что обусловлено прекращением его добычи в ряде субъектов РФ: с 2003 г. – в Брянской области, с 2006 г. – в республиках Мордовия, Удмуртия и Чувашия, с 2008 г. – в Курской области, с 2009 г. – в Московской и Рязанской областях¹⁸. Использование топливного торфа в промышленных масштабах в современной России может похвастаться только Кировская область, где успешно функционирует компания «Вятка-торф», обеспечивающая топливом ряд местных ТЭЦ. Между тем в годы Гражданской войны, первых трех пятилеток, Великой Отечественной войны торфяное топливо в СССР добывалось в значительных объемах, на нем полностью или частично работали многие промышленные предприятия и значительная часть крупных электростанций страны¹⁹.

В Поволжье план ГОЭЛРО предусматривал «усиление торфяных разработок» до 20 млн пудов в год²⁰. То есть в переводе на современные единицы измерения к концу 1920-х гг. объемы добычи торфа в рассматриваемом в статье регионе должны были достигнуть 327,6 тысячи тонн. Но в реальности в первой половине 1920-х гг. торфяная промышленность СССР переживала сложный период. Перевод на хозрасчет в 1922 г. вызвал резкое сокращение количества торфоразработок и снижение объемов добычи на оставшихся функционирующих участках²¹. В 1926 г. объемы ежегодной добычи торфа в Поволжье от Казани до Саратова (в Сталинградской и Астраханской губерниях данный вид топлива не добывался) находились на мизерном уровне 50 тысяч тонн²².

В начале 1930-х гг. в Поволжье в условиях наметившегося топливного дефицита, связанного с ростом промышленности, наблюдалось увеличение добычи торфа. В 1930 г. в Средне-Волжском крае объемы добычи составили порядка 80 тысяч тонн. В 1931 г. добыча увеличилась до 170 тысяч тонн²³. В Нижне-Волжском (Саратовском) крае объемы добычи торфа в 1930-е гг. не превышали нескольких десятков тысяч тонн и существенно повлиять на общую ситуацию в регионе не могли. На уровень, предусмотренный планом ГОЭЛРО, Среднее Поволжье вышло только в 1932 г., когда объемы добычи достигли 365 тысяч тонн²⁴.

Доля торфяного топлива в 1930-1931 гг. для Средне-Волжского края составляла 1,2-1,5% топливного баланса²⁵. Для Куйбышевской области в 1937 г. этот показатель достиг уже 6%²⁶. В Пензенской области в 1940 г. применение торфа вы-

шло на уровень 5% топливного баланса²⁷. В Татарской АССР торф в топливном балансе к концу рассматриваемого периода остался на уровне нескольких процентов: в 1937 г. – 1,1%, в 1938 г. – 1,9%²⁸. Данный показатель был ниже Куйбышевской и Пензенской областей. В Саратовской области в 1939 г. доля торфа равнялась 0,2% топливного баланса²⁹. Таким образом, можно с определенной долей погрешности утверждать, что на уровень предусмотренных планом ГОЭЛРО 3% торфа в топливном балансе Среднее Поволжье в целом вышло во второй пятилетке. В Нижнем Поволжье план широкого развертывания торфоразработок реализован не был.

Важной причиной недостаточного внедрения торфа в топливный баланс Поволжья можно считать трудности организации торфоразработок. Не хватало специального оборудования для добычи торфа, квалифицированных специалистов по торфодобычи, в Поволжье отсутствовала централизованная торфодобыча по образцу трестов системы Главторфа Наркомата тяжелой промышленности, организованных в Белоруссии, Московской, Ленинградской областях, Горьковском крае и на Урале. Еще одной причиной недостаточного использования торфа в Поволжье стало отрицательное отношение значительной части руководителей промышленных предприятий к данному виду топлива, которые не хотели отказываться от более удобных в использовании каменного угля и дров и тем более организовывать свои собственные торфоразработки.

План ГОЭЛРО предусматривал строительство двух районных электростанций, базирующихся на сланцевом топливе: в районе сел Кашпир и Ундоры Симбирской губернии (Кашпир – населенный пункт в Сызранском районе современной Самарской области, Ундоры – населенный пункт в Ульяновском районе современной Ульяновской области). Общее годовое потребление горючих сланцев электростанциями планом предусматривалось в объеме 150 млн пудов в год; при этом отмечалось, что через 7-10 лет добычу сланцев можно будет довести до 100 млн пудов³⁰. Таким образом, в 1930 г. добыча горючих сланцев в Поволжье, по замыслу составителей плана, должна была достигнуть при переводе пудов в тонны величины 1 млн 638 тысяч тонн с потенциальным выходом на уровень 2 млн 457 тысяч тонн. Подобный масштаб добычи составители плана базировали на огромных запасах данного вида полезных ископаемых в Поволжье. По оценкам 1920 г., Ундоровское месторождение располагало 16 млрд пудов, Кашпирское – порядка 8-9 млрд пудов. В переводе на современные единицы измерения это соответствует 262 и 147,4 млн тонн. Геологические разведки 1930-х гг. уточнили запасы сланцевых месторождений Поволжья, которые во второй пятилетке оценивались уже в пять - шесть млрд

тонн, в том числе – 341 млн на Кашпире и 600 млн на Ундорах³¹.

В годы Гражданской войны в 1919-1920 гг. удалось организовать добычу горючих сланцев на Кашпирском и Ундоровском рудниках. Но объемы добычи не превышали нескольких десятков тысяч тонн. В 1925 г. рудники, включенные в состав треста «Битумсланец», были переведены на консервацию. Главным аргументом стала экономическая невыгодность сланцев по сравнению с другими видами топлива.

Вновь сланцевые рудники Поволжья начали функционировать в 1930-1931 гг. Добыча Кашпирского рудника в 1932 г., то есть в последнем году первой пятилетки, составила 119,8 тысячи тонн, Ундоровского и Захарьевского рудников в совокупности – 52,3 тысячи тонн³². В годы второй пятилетки рудники в районе Ундор были законсервированы, вторым по объемам добычи в Поволжье после Кашпирского в Куйбышевской области стал Савельевский рудник в Саратовской области. В третьей пятилетке добыча по Кашпирскому руднику только незначительно превысила уровень двухсот тысяч тонн в год: 215,6 тысячи тонн в 1939 г., 200,2 тысячи в 1940 г. На Савельевке этот показатель достиг 72 тысяч тонн в 1939 г., 78,5 тысячи в 1940 г.³³

Можно констатировать, что объем добычи горючих сланцев в Поволжье порядка 250 тысяч тонн в конце второй пятилетки к началу Великой Отечественной войны удалось приблизить только к показателю 300 тысяч. Таким образом, проекты миллионной добычи сланцевого топлива в течение всего периода 1930-х гг. реализовать так и не удалось³⁴. Свыше миллиона тонн сланцевые рудники Поволжья и Ленинградской области начали добывать только в первой половине 1950-х гг. Основная же доля заготовок данного вида топлива в стране начиная с 1940 г. приходилась на Эстонскую ССР³⁵.

Из двух предусмотренных ГОЭЛРО сланцевых электростанций была введена в строй в годы второй пятилетки Кашпирская ТЭЦ, снабжавшая электроэнергией только свой рудник и ближайшие населенные пункты, в то время как по плану она должна была обслуживать «центральную часть Самарской губернии, включая город Самару, южную часть Симбирской губернии и северную часть Саратовской губернии»³⁶. Третья спроектированная планом ГОЭЛРО в Поволжье электростанция на базе месторождений горючих газов в Новоузенском уезде Самарской губернии осталась «на бумаге», поскольку газ в качестве топлива стал применяться в Поволжье только в годы Великой Отечественной войны. Альтернативой стала не предусмотренная планом ТЭЦ города Саратова, которая в 1937 г. была переведена на сланцевое топливо и стала крупнейшим потребителем данного вида топлива в Поволжье.

В Куйбышевской области в 1937 г. сланец составлял 1,5% топливного баланса³⁷. В Саратовской области в 1937 и 1939 гг. данный показатель равнялся соответственно 2,3% и 1,9%³⁸. Предусмотренные планом ГОЭЛРО 8% сланцев в топливном балансе Поволжья не были достигнуты не только в довоенный, но и в послевоенный период. Следовательно, именно в отношении освоения сланцевого топлива Поволжья задачи плана ГОЭЛРО оказались решены в наименьшей степени.

Таким образом, прогноз топливной части плана ГОЭЛРО применительно к Поволжью в 1920-е гг. удалось реализовать только применительно к древесному топливу. Предусмотренное планом превышение потребления угольного топлива над нефтяным было достигнуто в годы второй пятилетки. Торфяная часть плана была выполнена только в Среднем Поволжье в годы второй пятилетки в рамках реализации уже не столько плана ГОЭЛРО, сколько первых пятилетних планов. Большой сланцевый проект Поволжья был сорван как в 1920-е, так и в 1930-е гг.

Причины серьезных расхождений практической реализации топливной части плана ГОЭЛРО в Поволжье с намеченными показателями кроются в специфике экономического развития российской экономики в годы нэпа и довоенной индустриализации. Необходимо подчеркнуть, что составители плана электрификации в 1920 г. никак не могли предвидеть последовавший через несколько лет отказ от господдержки промышленности, вызвавший в Поволжье в 1920-е гг. отказ от строительства запланированных в регионе электростанций, кризис торфяной промышленности и закрытие сланцевых рудников.

Расплатой за потерянное для развития промышленности СССР в 1920-е гг. время стали диспропорции и срывы развития промышленности в годы форсированной индустриализации, недостаток времени для перевооружения Красной армии современной техникой, общее отставание по ключевым показателям экономического развития от Германии в предвоенные годы. И, отмечая ежегодный праздник День Победы в Великой Отечественной войне, не следует забывать о трудностях и просчетах предвоенного экономического развития страны. Исторический опыт реализации топливной части плана ГОЭЛРО может быть использован в условиях намечившейся модернизации российской экономики. Так, относимый к возобновляемым ресурсам торф вполне может применяться в отдельных случаях в качестве местного топлива с учетом невозможности сжигаемого газового топлива и отсутствия газификации отдельных населенных пунктов в глубинке. Кроме того, Поволжье по-прежнему располагает крупнейшими в России сланцевыми месторождениями, которые практически не используются в последнее десятилетие.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например: *Захарченко А.В., Репинецкий А.И.* Использование труда заключенных и индустриализация Куйбышевской области накануне и в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Т.8. №3. С.789–800; *Филатов С.Г.* Пути решения кадровой проблемы на предприятиях пищевой промышленности Поволжья в 1938-1941 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №5-2. С.200-203; *Чолахян В. А.* Нижневолжский вариант индустриальной модернизации (конец XIX в. - 1930-е гг.) // Российская история. 2012. №3. С.20-32; *Шарошкин Н.А., Кузьмина Т.Н.* Спиртовая промышленность Поволжья. 1917-1932 гг. // Гуманитарные и общественные науки в XXI веке: состояние и перспективы развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Под ред. О.В. Ягова. Пенза: «Приволжский дом знаний», 2015. С.77-81; *Ягов О.В.* Власть и кооперация Поволжья в условиях нэповского эксперимента (организационный аспект) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. №27. С.1154-1156.
- ² См., например: *Барabanов О.Н.* Энергетика России в 20-х гг. XX века: тенденции развития отрасли на примере энергокомплекса Царицына-Сталинграда // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Вып.8. С.24-28; *Бурдин Е.А.* Гидроэнергетика в плане ГОЭЛРО // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2010. №1 (49). С.17-20; *Мингалиев З.С.* План ГОЭЛРО – прорыв в электрификации республики // Энергетика Татарстана. 2005. №2. С.100-104; *Шаронин Д.А.* Документация научно-исследовательских и проектных институтов как исторический источник по истории электрификации СССР (1920-1930-е гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т.16. №3 (2). С.580-583.
- ³ План электрификации РСФСР. Доклад VIII Съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М.: Госполитиздат, 1955. С.45.
- ⁴ *Баканов С.А.* Строительство районных электростанций по плану ГОЭЛРО на Урале в 1920-е - начале 1930-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №32 (170). История. Вып.35. С.70.
- ⁵ Хозяйственный или операционный год в качестве отчетного периода был введен в РСФСР в 1918 г., продолжался с октября одного календарного года по сентябрь следующего. Переход на календарный год в отчетности был осуществлен в 1930 г.
- ⁶ *Кузьмина Т.Н., Шарошкин Н.А.* Индустриальное развитие Поволжья. 1928 - июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2005. С.32; План электрификации РСФСР. С.496.
- ⁷ План электрификации РСФСР. С.494.
- ⁸ *Тиаин А.* Роль древесины в топливном балансе СССР // Лесовод. 1926. №3-4. С.31.
- ⁹ *Труфанов А.* Топливный баланс ТР к 1940-41 г. // Труд и хозяйство. 1927. № 3-4. С.18.
- ¹⁰ См.: Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Пензенской области» (далее

- ГБУ ГАПО). Ф. П.54. Оп.1. Д.361. Л.13об.; Средне-волжский край (экономический и социально-культурный обзор). М.– Самара, 1930. С.310.
- ¹¹ Минин В. К. Энергетика к 15-летию Октября // Нижнее Поволжье. 1932. №10-11. С.33.
- ¹² Арцыбашев Д. Потребление топлива в ТР в 1923-24 хоз. году // Труд и хозяйство. 1925. №3. С.49.
- ¹⁵ Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив экономики» (далее – ФКУ РГАЭ). Ф.4372. Оп.36. Д.748. Л.52.
- ¹⁴ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. Р.4580. Оп.1. Д.2211. Л.9.
- ¹⁵ ФКУ РГАЭ. Ф.4372. Оп.36. Д.654. Л.19.
- ¹⁶ Кузьмина Т.Н., Шарошкин Н.А. Индустриальное развитие Поволжья. 1928 – июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2005. С.114.
- ¹⁷ ФКУ РГАЭ. Ф.4372. Оп.37. Д.524. Л.3.
- ¹⁸ Плакиткина Л.С., Анухтин П.А. Анализ развития торфяной промышленности в России и мире в период с 2000 по 2009 годы // Горная промышленность. 2011. №1. С.8, 12.
- ¹⁹ Подробнее см.: Воейков Е.В. «Торфяные пятилетки» в Поволжье – забытая страница истории 1930-х гг. // Российская история. 2010. №2. С.43-52; Копенкин В.Д., Копенкина Л.В. Значение торфа в годы Великой Отечественной войны // Вестник Тверского государственного технического университета. 2005. №6. С.140-142; Родионов Н.А. Мобилизация торфяных ресурсов Урала на нужды военного производства (1941-1945 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. №1-1 (51). С.168-172.
- ²⁰ План электрификации РСФСР. С.493.
- ²¹ Торфяная промышленность в 1925 году. Отчет Госторфа // Торфяное дело. 1926. №4. С.86.
- ²² Подсчитано по: Торфяная промышленность в 1925/26 году // Торфяное дело. 1927. №3. С.61.
- ²³ См.: Государственное бюджетное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области» (далее – ГБУСО ЦГАСО). Ф. Р.674. Оп.1. Д.1192. Л.231; Козулин Ф.Н. Средне-волжские торфяники // Среднее Поволжье. 1931. №9-10. С.124-125.
- ²⁴ ГБУ ГАПО. Ф. Р.453. Оп.1. Д.689. Л.559; ГБУСО ЦГАСО. Ф. Р.644. Оп.1. Д. Ф. Р.779. Оп.2. Д.200. Л.122.
- ²⁵ См.: Соколов А.Г., Кабачник А.Я., Зворыкин А.А. Топливные проблемы на данном этапе. С.291; Топливный баланс Средне-Волжского края на 1932 г. // Среднее Поволжье. 1931. №9-10. С.107.
- ²⁶ ФКУ РГАЭ. Ф.4372. Оп.36. Д.654. Л.19.
- ²⁷ ФКУ РГАЭ. Ф.9449. Оп.1. Д.419. Л.32об.
- ²⁸ См.: ФКУ РГАЭ. Ф.4372. Оп.36. Д.748. Л.52, 61.
- ²⁹ ФКУ РГАЭ. Ф.4372. Оп.37. Д.524. Л.3.
- ³⁰ План электрификации РСФСР. С.490, 493, 496.
- ³¹ ФКУ РГАЭ. Ф.4372. Оп.36. Д.654. Л.17; План электрификации РСФСР. С.492.
- ³² ФКУ РГАЭ. Ф.660. Оп.1. Д.543. Л.13; Д.575. Л.2.
- ³³ См.: ФКУ РГАЭ. Ф.8701. Оп.1. Д.163. Л.52, 56; Д.176. Л.12; Д.178. Л.2.
- ³⁴ Подробнее о трудностях развития сланцевой промышленности в годы довоенных пятилеток см.: Воейков Е.В. Большой сланцевый проект 1930-х гг.: Ленинград и Поволжье // Вопросы истории. 2012. №5. С.113-122; Шаронин Д.А. Информационный потенциал документов Всесоюзного теплотехнического института им. Ф.Э. Дзержинского по истории индустриализации Куйбышевской области в годы первых трех пятилеток // Вестник архивиста. 2015. №3 (131). С.52-66.
- ³⁵ Энергетические ресурсы СССР. Т.1. Топливо-энергетические ресурсы / Под ред. Н.В. Мельникова. М.: Наука, 1968. С.618.
- ³⁶ План электрификации РСФСР. С.498.
- ³⁷ ФКУ РГАЭ. Ф.4372. Оп.36. Д.654. Л.19.
- ³⁸ ФКУ РГАЭ. Ф.4372. Оп.37. Д.524. Л.3.

FUEL PROVISION OF VOLGA REGIONAL INDUSTRIAL DEVELOPMENT ACCORDING THE GOELRO PLAN

© 2018 E.V. Voeikov

Penza Subsidiary of Financial University under the Government of the Russian Federation

The article deals with the implementation of the fuel part of GOELRO plan in Volga region. On the basis of analysis of the fuel balance in 1920-1930s the author comes to conclusion about the degree of coincidence between the planned forecast and the real development of the region.

Keywords: fuel balance, coal, oil, wood, peat, oil shale.